

XIX.

Въ Пруссіи.— Участіе въ войнѣ съ Французами.— Беннигсенъ и Платовъ.— Дѣло при Гутштадтѣ.— Свиданіе съ Платовымъ послѣ Гутштадтскаго дѣла.— Графъ Строгановъ.— Дѣло при Пассаргѣ, Земерсфельдѣ, Аренсдорфѣ и Гейльсбергѣ.— Отступленіе къ Тильзиту.

1807.

«Приѣхавъ въ главную квартиру, явился я у главнокомандующаго г. Бенниксона (Беннигсена), который зналъ меня прежде и весьма милостиво принялъ, и чрезъ дежурнаго генерала велѣлъ мнѣ сказать, что онъ знаетъ, что войсковою атаманъ Платовъ не съ лучшей стороны къ Денисовой фамиліи расположенъ, а потому, буде я пожелаю, то онъ дастъ мнѣ въ команду донскіе полки, въ отдѣльномъ корпусѣ находящіеся. Но какъ я всегда считалъ себя правымъ передъ моимъ начальникомъ, то разсудилъ, что лучше ѣхать къ нему прямо, дабы тѣмъ не дать ему повода къ болѣе сильной ненависти, что и объяснилъ г. Бенниксону. Онъ одобрилъ такое мнѣніе, увѣрилъ въ своемъ покровительствѣ и отправилъ меня къ атаману. Когда же я прибылъ къ Платову, то онъ меня принялъ съ довольнымъ уваженіемъ, изъ котораго однако же я видѣлъ, что мнѣ должно быть осторожнымъ. На другой день (Платовъ) объявилъ, что онъ мнѣ дастъ хорошей полкъ храбраго полковника Карпова, предъ тѣмъ незадолго убитаго въ сраженіи. Какъ въ это время одинъ офицеръ съ командою

изъ онаго полка находился при немъ, Платовъ, то и приказано было ему явиться ко мнѣ въ команду. Ожидая терпѣливо, что я получу полкъ, и еще нѣсколько (времени) не видя онаго, между тѣмъ нерѣдко примѣчалъ я, что его превосходительство, атаманъ, находилъ случай въ разговорахъ своихъ мнѣ сдѣлать непріятность. Не любя ни насколько лести, я всегда безъ грубости отвѣчалъ ему съ должною благородному человѣку стойкостію, а въ одинъ разъ, какъ помню, сказалъ ему откровенно, что его превосходительство не такъ разумѣетъ мой приѣздъ въ армию, что я хочу быть его правою рукою и служить со всегдашнею моею честію и усердіемъ. Тогда онъ сказалъ:

— «Я въ томъ увѣренъ и дамъ вамъ три полка».

«Ежели вы хотите видѣть во всемъ блескѣ славу донскихъ казаковъ», сказалъ я, «то подчините мнѣ тридцать полковъ».

«Этимъ, какъ видно было изъ лица и словъ его, онъ былъ весьма доволенъ и при томъ сказалъ:

— «Я столько полковъ не имѣю, а при томъ и другіе генералы есть, которымъ также надобно вѣрить полки».

«Но все это не помогло мнѣ, и я болѣе мѣсяца прожилъ у него безъ всякой команды, въ которое время и наша армія оставалась безъ дѣйствія. Наконецъ, теряясь въ надеждѣ получить сколько-либо въ команду мою полковъ, я откровенно доложилъ г. атаману, что ѣду къ государю и буду просить объ увольненіи въ домъ.

— «Вѣрно потому, — сказалъ Платовъ, — что не видите у себя команды. Но я въ этомъ не виноватъ: я требовалъ полки изъ другихъ корпусовъ».

«И тутъ же своему писмоводителю приказалъ писать въ три полка повелѣніе, чтобъ оныя явились въ мою команду немедленно. На другой или третьей день оныя повелѣнія выполнены, а на завтра послѣ того получилъ я повелѣніе — слѣдовать впередъ, къ непріятелю. Платовъ также со всѣми полками своими, и вся армія двинулась къ укрѣпленному мѣстечку Гутштадту. Я шелъ съ тремя своими полками отдѣльно, по особой дорогѣ, къ назначенному пункту. Мѣстоположеніе, закрытое лѣсами, совершенно было мнѣ неизвѣстно; равно и полковыя командиры едва мнѣ вѣдомы были по общему домашнему жилищу нашему, отчего я былъ почти на всякомъ шагѣ въ затрудненіи».

¹⁾ Въ этотъ разъ Денисовъ исправлялъ должность атамана съ 20-го декабря 1806 по 30-е января 1807 года.

«По выступленіи въ сей походъ, на другой день — 24-го мая 1807 г., я подошелъ къ рѣкѣ Алле и нашель, что берега оной были такъ болотисты, что совершенно препятствовали переправѣ и, по всѣмъ развѣдываніямъ, отъ начальниковъ полковъ и казакъ сдѣланнымъ, въ томъ мѣстѣ и близъ онаго удобной переправы не было. Тогда я, взявъ полковыхъ командировъ, поскакалъ самъ въ даль, по берегу рѣчки, дабы лучше оную рассмотреть. Одно мѣсто показалось намъ возможнымъ къ переправѣ, но оно было прикрыто нарочито сдѣланными отъ Французовъ шанцами, изъ которыхъ и движеніе войска нашего было Французами примѣчено».

«Разсуждая о моемъ положеніи, что буде я донесу что не имѣю возможности переправиться, а оная окажется по строгому разсужденію возможною, то я буду виноватъ и конечно претерплю несчастье, — рѣшился я занять шанцы штурмомъ и произвелъ сіе такъ: отобравъ изъ полковъ всѣхъ казаковъ, ружья имѣющихъ, которыхъ и нашлось около 150 человекъ, подчинилъ ихъ храброму полковому командиру, Василью Ефремову, съ нужнымъ числомъ офицеровъ, и приказалъ полкомъ сближаться къ рѣкѣ и стрѣлять въ шанцы, а 60-ти человекамъ, также при офицерахъ, избравъ самыхъ храбрѣйшихъ, приказалъ, чтобы они, раздѣвшись до-нага, по данному знаку быстро переплывъ рѣчку, ударили бы на шанцы, съ одними дротиками, что и было съ отличнѣйшею храбростію и скоростію исполнено въ точности».

«Храбрый полковой начальникъ Ефремовъ, безъ ордера, изъ одной храбрости и усердія, когда казаки кинулись въ воду, пустился за ними на быстромъ своемъ конѣ, который по добротѣ своей, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, добился чрезъ болото до рѣки и чрезъ оную его перенесъ, но выходя изъ рѣки потонулъ въ болотѣ и не могъ болѣе идти. Тогда Ефремовъ крикнулъ на казаковъ, чтобы переплыли чрезъ рѣку и схвата за что можно лошадей тянули бы чрезъ болото на боку, а самъ пустился за нами казаками, которые уже легли къ шанцамъ и, соединясь съ ними, завладѣлъ оными. При чемъ взято въ плѣнъ болѣе 10 Французовъ и столько же убито, а другіе, устращась такого храбраго дѣйствія, бѣжали. Ободрясь симъ, я приказалъ вышесказаннымъ манеромъ переправить лошадей три или четыре и изслѣдовать близъ лежащій лѣсъ — какъ силенъ находится въ ономъ не-

пріятель? Самъ занялся разсмотрѣніемъ: не можетъ-ли тутъ быть переправа, но нашель, что за болотистыми берегами нельзя оной было сдѣлать».

«Въ эту минуту увидѣлъ я, что регулярной корпусъ къ той же рѣкѣ подшелъ и вѣрно имѣеть погонной мостъ; послалъ одного офицера узнать о томъ и просить генерала того корпуса позволенія — впередъ мнѣ съ полками переправиться. Это былъ князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, съ корпусомъ, которой весьма благосклонно на то согласился. Получа о томъ донесеніе, я поспѣшилъ, и когда пришелъ, то мостъ былъ уже готовъ, и я переправился и потянулся на-лѣво къ назначенному мнѣ мѣсту, куда прибывъ, послалъ къ войсковому атаману одного офицера съ словеснымъ обо всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ донесеніемъ и съ вопросомъ — что отъ него мнѣ велѣно будетъ далѣе дѣлать?»

«Въ это время, вправо отъ меня, за Гутштадтомъ, слышны были пушечные выстрѣлы, почему я видѣлъ, что сраженіе уже началось. Офицеръ мой возвратился и донесъ, что г. войсковой атаманъ дѣйствіями моими доволенъ и далѣе оставляетъ мнѣ на волю, по усмотрѣнію, производить оныя. Тогда, имѣя предъ собою большой лѣсъ, приказалъ я полку Ефремова, разсыпавшись и занимая сколь можно болѣе мѣста, идти впередъ и нѣсколько на-право, и обо всемъ нужномъ мнѣ доносить, а съ остальными двумя полками, по маленькой дорожкѣ, потянулся за полкомъ Ефремова. Пройдя лѣсъ, мы шли чрезъ довольно обширную поляну, гдѣ и маленькая деревушка находилась, а подойдя къ другому лѣсу, прискакалъ ко мнѣ полковникъ Ефремовъ и донесъ, что недалеко находится изъ гѣхоты и конницы сильной непріятель. Тогда я Ефремову приказалъ, чтобы онъ наблюдалъ за движеніемъ сего непріятеля. И самъ я шель туда-жъ, и встрѣлъ въ ту-жъ минуту атаманской полкъ, бывшій подъ командою графа Строганова, препровождающій сзади всего Горчаковскаго корпуса непріятельскій вагенбургъ, которой онъ (гр. Строгановъ) успѣлъ отрѣзать и плѣнить. Графъ Строгановъ¹⁾ весьма желалъ съ полкомъ онымъ ко мнѣ присоединиться, но по множеству повозокъ,

¹⁾ Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, тайный совѣтникъ, другъ дѣтства и юности Александра I — служилъ въ войну 1807 г. волонтеромъ въ арміи.

которыя требовали большого прикрытія, не могъ. И такъ я двинулся съ одними моими тремя полками къ видимому непріятелю».

«Перейдя гѣсъ, я увидѣлъ непріятеля, стоящаго въ открытомъ полѣ, за широкою и довольно углубленною долиною; на пушечный выстрѣлъ отъ деревни къ Гутштадту стояла пѣхота на нѣкоторомъ возвышеніи при другой долині, въ линію обращенная къ Гутштадту, гдѣ часто раздавались пушечные выстрѣлы, а ко мнѣ флангомъ, примѣрно тысячи до полторы или болѣе. Въ деревнѣ видна была также пѣхота, но какъ за домами нельзя было усмотрѣть, то и не можно было исчислить оную глазомѣрно; но сколько могъ замѣтить, то она не составляла большого количества, а между тою и другою пѣхотою, на срединѣ, въ два отдѣленія, стояла колоннами конница, около тысячи человекъ. Осмотрѣвъ все сіе, я рѣшился атаковать всеми тремя полками одну конную непріятеляскую колонну, ближайшую къ пѣхотѣ, на возвышеніи стоявшую, полагая, что ежели она, будучи опрокинута, отступить къ пѣхотѣ, то въ такомъ случаѣ, не теряя времени, всѣ полки мои въ отрѣзъ ударятъ на другую, стоящую ближе къ деревнѣ, колонну, и оную поразятъ».

«По сему моему плану отдавъ всѣ нужныя приказанія, я подтвердилъ, чтобъ оное мое распоряженіе внушено было каждому офицеру и казаку, и, не теряя минуты, двинулся впередъ. Прибывъ въ самой низъ долины, я нашелъ между имѣющимися тамъ небольшими кустарниками, какъ бы рукою человекъ сдѣланной, широкой ровъ, и довольно глубокой, чрезъ которой потребна большая осторожность переѣзжать конному. При видѣ сего я боялся, что, въ случаѣ неудачи, могутъ многія лошади при скоромъ переѣздѣ упасть и упадутъ въ руки непріятелю, почему и приказалъ нѣкоторымъ офицерамъ и на лучшихъ лошадяхъ казакамъ—въ рысь переѣзжать оной, для одной только пробы. Наконецъ и самъ тоже сдѣлалъ и увидя, что возможно, хотя и съ затрудненіемъ, приказалъ полкамъ переходить и тутъ же устроилъ оныя въ лаву. При этомъ случаѣ нѣсколько минутъ замедлилъ, а непріятеляская конница, какъ примѣтно было, желая предупредить меня атакою, двинулась гораздо впередъ, и сама дала мнѣ удобнѣйшій случай атаковать оную, что я исполнилъ въ тотъ же моментъ и съ быстротою».

«Казакі полетѣли на назначенную колонну, но, наскочавъ

въ самую близкую дистанцію, только огарнули (обхватили?) ее вокругъ, но не ударили какъ слѣдовало бы храбрымъ, однако же съ большою отважностію держались на гѣхъ мѣстахъ. Видя это, я бросился въ то мѣсто, гдѣ болѣе видѣлъ казаконъ, и крикнулъ:

— «Ребята-молодцы, въ дротіки!»

«Въ сей моментъ казаки, которые мало меня или вовсе не видали, какъ бы желали испытать меня, а усмотрѣвъ начальника своего между ими, съ отличнѣйшею храбростію врѣзались въ непріятеляскую колонну, изъ которой навѣрное можно положить, что пятая часть упала, а остальные въ безпорядкѣ стремительно побѣжали, а казаки, казалось, каждый желалъ сколоть нѣсколько человекъ. Я въ эту минуту увидѣлъ, что другая колонна твердо еще и непоколебимо стояла на своемъ мѣстѣ и тутъ же примѣтилъ, что и она струсилла нашего дѣйствія, ибо имѣла хотя минутной, но, выгодной для себя, случай нанести намъ жестокой ударъ, когда мы были заняты первой колонной, и упустила оной. Я, заскакавъ въ средину гнавшихъ непріятеля казаконъ, большую часть оныхъ остановилъ и, указавъ на стоящаго на мѣстѣ непріятеля, пустился со оными на него. Казаки всѣ исполняли приказанія мои въ точности и летѣли къ непріятелю какъ орлы, а непріатеель, еще болѣе испугавшись такового дѣйствія, опрометью пустился бѣжать. Казаки врѣзались въ онаго, скакали за нимъ, и смѣшавшись съ нимъ, убивали Французовъ. Храбрый полковникъ Ефремовъ, всегда находясь впереди и давая примѣръ казакамъ, своеручно разилъ непріятеля безъ пощады. Непріатеель, къ счастью нашему, бѣжалъ въ срединѣ между пѣхотою и деревнею, интерваломъ, отчего казаки и не такъ много потерпѣли, какъ бы это могло быть, но со всѣмъ тѣмъ многіе были ранены пулями, каковая участь постигла и храбраго полковаго начальника, Степана Сулина, которой былъ раненъ пулею въ ногу, отъ которой раны, страдая нѣсколько недѣль, и померъ. Также и всѣ офицеры отличную храбрость въ семъ дѣлѣ показали, особливо Агаповъ и Агѣевъ».

«Я, проскакавъ нѣсколько вмѣстѣ съ полками и уже поровнявшись съ пѣхотою, съ частью казаконъ возвратился и, немного отѣхавъ, принужденъ былъ отъ упадка силъ своихъ сойти съ лошади и лечь на землѣ, а полковникъ Ефремовъ продолжалъ гнаться, пока истребилъ обѣ колонны до основанія. Что французскія лошади весьма слабѣ нашихъ, то самое и плѣнные до-

казывали тѣмъ, что не болѣе какъ человекъ 15 или 20 спаслись. При семъ случаѣ взято въ плѣнъ: полковникъ, подполковникъ, два майора, три или четыре офицера и до 100 рядовыхъ, всѣ болѣе или менѣе ранены. Французскій генералъ, бывший тутъ же, упалъ отъ многихъ ранъ и хотя былъ живъ, но не могъ уже ѣхать за нами верхомъ, почему и былъ оставленъ на мѣстѣ живымъ. Полковникъ Ефремовъ, съ большею частию плѣнныхъ, принужденъ былъ объѣхать сказанную деревню, чтобъ возвратиться ко мнѣ, потому что въ интервалѣ проѣзжать было уже опасно. Я обо всемъ этомъ дѣйствию ту-жъ минутою донесъ г. войсковому атаману, при томъ приказалъ посланному доложить, что ежели онъ со всѣмъ корпусомъ своихъ войскъ прибудетъ на то мѣсто гдѣ я находился, то можно и болѣе нанести вредъ неприятелю, или чтобы онъ меня нѣсколькими полками усилилъ. Къ нему же, г. войсковому атаману, я и плѣнныхъ всѣхъ отправилъ. Также послалъ одного офицера въ главную армію, къ сражающимся впереди генераламъ, донести, что неприятель въ тылу не имѣетъ сильныхъ ресурсовъ. Всѣхъ сихъ моихъ дѣствий былъ очевидный свидѣтель—полковникъ аглицкой службы, Вильсонъ или Мильсонъ*.)

»Собравъ всѣхъ моихъ казаковъ, увидѣлъ я, что конвоемъ плѣнныхъ и присмотромъ раненыхъ казаковъ я чувствительно мою бригаду ослабилъ, которая и безъ того не болѣе составляла какъ отъ 800 до 900 (человекъ), а неприятеля передъ собою видѣлъ—пѣхоту, и втрое сильнѣйшую. Къ тому же, самъ я находился въ большой разслабленности силъ и не могъ ничего болѣе предпринять, а ожидалъ прибытія сикурса и повелѣнія атамана Платова. Черезъ нѣсколько часовъ донесли мнѣ, что нѣсколько полковъ Платова корпуса сближаются ко мнѣ; по дальнѣйшей же выправкѣ, оказалось что это донесеніе несправедливо. Все сіе время я видѣлъ, что отъ стороны Гутштадта сильной неприятель,—пѣхота,—ретировался, будучи преслѣдуемъ нашею пѣхотою же, и когда оный приближался къ этой пѣхотѣ, которая противъ меня держалась, то наша пѣхота остановилась, а Французы соединились. Изнемогая отъ сильной слабости и вида, что

*) Изъ формулярнаго списка видно, что за дѣло при Гутштадтѣ Денисовъ награжденъ Орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

далеко удалился отъ своихъ, и что уже ночь сближается, я, безъ ордера, потянулся съ полками своими къ мѣсту нахождения г. войскового атамана. Я нашелъ его въ маленькомъ домикѣ и уже при свѣчѣ, что (то) писавшаго; на словахъ вкратцѣ донесъ о случившемся со мною, что я съ полками возвратился къ нему и испрашиваю приказанія—что мнѣ съ оными дѣлать. Его превосходительство видно весьма важною занятъ былъ бумагою, что на все ни одного слова мнѣ не сказалъ. Уважая, какъ начальника, я, въ молчаніи, въ отдалъ его сѣлъ на стулъ, въ которомъ положеніи и пробылъ болѣе получаса. Въ это время вошелъ въ ту же горницу графъ Строгановъ съ однимъ или двумя чиновниками и зачалъ докладывать войсковому атаману, что изъ плѣнныхъ, мною взятыхъ, есть одинъ или двое знатной фамиліи и что они говорятъ съ чрезвычайною похвалою о храбрости тѣхъ казаковъ, которые имѣли съ ними дѣло».

«Тогда атаманъ Платовъ слабымъ голосомъ благодарилъ меня и поподчивалъ чаемъ, а ежели хочу и пушшемъ, на что я отвѣчалъ, что я весьма слабъ здоровьемъ, а потому и просилъ, чтобъ онъ рѣшилъ меня—что мнѣ съ полками дѣлать и что мнѣ повои необходимо, каковымъ я, расположась съ полками, могу воспользоваться. И какъ онъ велѣлъ близъ корпуса его расположиться лагеремъ, то я, засвидѣтельствовавши ему нижайшее почтеніе и вышелъ. Отдавъ приказъ полкамъ идти на мѣсто, самъ я по дорогѣ взшелъ на квартиру плѣннаго мною полковника, гдѣ нашелъ и подполковника и, поговоря съ ними нѣмного въ утѣшеніе ихъ, поѣхалъ въ полки свои. Здѣсь, по усердію моихъ людей, нашелъ чай и казачью кашу готовыми и, выпивши нѣсколько чаю, отдалъ приказъ, чтобы заботились о подкрѣпленіи лошадей. Самъ, свернувшись, легъ на землѣ, но никакъ не могъ уснуть, чему причиною былъ болѣе раненый полковникъ Сулинъ, которой педалеко отъ меня былъ и стоналъ отъ чрезвычайной боли ноги. Къ тому-жъ, скоро пополуночи, неприятель, пробравшись лѣсомъ къ нашимъ пикетамъ, произвелъ по онымъ нѣсколько ружейныхъ вистрѣловъ, отчего во всемъ корпусѣ произошло небольшая тревога».

«Съ наступленіемъ дня получилъ весь корпусъ повелѣніе—быть во всей готовности къ походу, а часа чрезъ полтора или два весь корпусъ двинулся впередъ и, пройдя версты три или

четыре, остановился. Во все это время слышны были на сторонѣ, гдѣ непріятель остановился, рѣдкіе пушечные выстрѣлы. Простоявъ немного, весь нашъ корпусъ скорымъ маршемъ двинулся впередъ, а мнѣ дано отъ г. войскового атамана дозволеніе вновь дѣйствовать по моему усмотрѣнію. Я дѣлалъ съ моими полками такое направление, чтобы зайти непріятелю въ тылъ — что отъ казачей службы больше и требуется. Достигая своей цѣли, я пришелъ къ рѣкѣ Пасаргѣ, но нашелъ, что она также имѣетъ берега, неудобные къ переходу чрезъ нея, что полагать надобно и Французы знали, ибо хотя многіе казачьи полки прибыли къ тому же мѣсту, куда и я пришелъ, но Французы, находящиеся по ту сторону рѣчки, весьма въ близкой отъ насъ дистанціи, (безъ всякой особой осторожности слышали разными небольшими отдѣленіями къ своему корпусу, которой Россіяне гѣснили; наконецъ, даже и два эскадрона ихъ кавалеріи, шли, бывъ довольно удалены отъ другихъ войскъ ихъ. Видя такое препятствіе и какъ бы непріятельское къ намъ пренебреженіе, я рѣшилъ казачимъ отважнымъ манеромъ ихъ проучить: приказалъ отъ 30-ти до 40 выбрать изъ полковъ храбрѣйшихъ казаковъ и, опредѣля къ каждому по пяти и болѣе пѣшихъ, съ двумя офицерами, чтобы были во всей готовности при берегѣ рѣчки, и какъ-будто просто стояли бы тамъ безъ всякаго военнаго намѣренія, чтобы непріятель не потревожился вида ихъ, но чтобы они, по данному отъ меня знаку, всѣ раздѣлись до рубахъ и съ лошадей снявъ сѣдло, одинъ бы на рукахъ переносилъ оное, а всѣ другіе вели лошадей, а которыя изъ нихъ загрузнуть въ тинѣ рѣчки и упадутъ; то чтобы таковыхъ тянули хотя бы на-боку; вышедши же на берегъ, въ минуту бы осѣдали лошадей и ближайшаго непріятеля быстро бы атаковали; а самъ я замѣчалъ движеніе непріятеля, и когда увидѣлъ, что одинъ эскадронъ, какъ бы нарочито, ближе другихъ къ намъ и въ довольномъ разстояніи удалась отъ всѣхъ шель, далъ знать сему, приготовленному мною отряду, дѣйствовать. Офицеры и казаки исполнили все съ такою точностію и храбростію, что я проследился отъ умиленія. Эскадронъ былъ опрокинутъ и навѣрное онъ половину людей своихъ потерялъ убитыми; плѣнными доставлено мнѣ пять или семь человекъ, не упомяну. Отрядъ сей возвратился ко мнѣ бывъ преслѣдуемъ сильнымъ непріятелемъ, и какъ въ защиту моихъ мо-

лодцовъ въ нужныхъ мѣстахъ поставлены были стрѣлки, а для успѣшной переправы нужное число казаковъ, то, не потерявъ ни одного, всѣ они соединились со мною. Въ такомъ положеніи мы простояли остатокъ того дня и слѣдующую ночь».¹⁾

«На другой день вся російская армія потянулась мимо Гутштадта къ Гейльсбергу. Непріятель, собравшись въ большихъ силахъ, слѣдовалъ за нами. Войсковою атаманъ Платовъ, съ казачьими полками, гдѣ и я находился, составлялъ аріергардъ. Часу въ десятомъ, девятомъ или одиннадцатомъ получилъ я повелѣніе — съ четырьмя казачьими полками идти назадъ, въ бокъ непріятелю, держать вправо и стать между французскою арміею и російскимъ корпусомъ графа Каменскаго, слѣдуемымъ отъ Гданска на соединеніе съ нашею арміею. Достигнувъ назначеннаго пункта, я остановился въ глазахъ всей французской арміи, въ небольшой прекрасной рошицѣ, при деревняхъ Земерсфельдъ и Аренсдорффъ. Отсюда послалъ я, при одномъ урядникѣ съ маленькою командою, мой рапортъ его сіятельству графу Каменскому, донося ему обо всемъ, что нужно. Какъ казаки, всѣ вообще, не имѣли совершенно ничего съ собою хлѣба, то по необходимости приказалъ я взять въ ближайшихъ селеніяхъ штукъ нѣсколько коровъ, зарѣзать оныя и роздать казакамъ, чтобы мясо оныхъ, какъ не въ чемъ сварить, спекли на угляхъ и подкѣрпчили бы себя пищею».

«Съ захожденіемъ солнца посланная команда возвратилась и графъ Каменской увѣдомилъ меня, что онъ съ корпусомъ не въ опасности, что онъ надѣется въ приходящую ночь соединиться съ арміею и чтобы я также возвратился къ оной. Почему, долж-

¹⁾ Изъ «Исторіи Донскаго войска» — г. Броневскаго (часть II, стр. 174) видно, что «казаки генералъ-маіора Денисова, несмотря на защищаемыя артилеріею и пѣхотою окопы, и на болотистыя мѣста, переправились чрезъ Алле впадь и, зашедъ въ тылъ непріятельской арміи, разогнали тамъ нѣсколько отрядовъ по лѣсамъ», а также, что въ этотъ и слѣдующіе дни (24-го и 25-го мая 1807 г.), Донскими казаками совершенно при рѣкѣ Пасаргѣ нѣсколько отважныхъ подвиговъ: такъ полкъ Иловайскаго 9-го, переправясь чрезъ Пасаргу, схватили непріятельскую пушку съ 76-ю артилерістами; такъ, въ виду непріятельскихъ баталіоновъ, есаулъ Тараричъ переплылъ рѣку съ нѣсколькими удалцами, арканомъ вытащилъ изъ цѣпи 6 волтижеровъ и доставилъ ихъ на нашу сторону; такъ и маіоръ атаманскаго полка, Балабинъ, переплылъ съ 200 казаковъ чрезъ Пасаргу и прокравшись въ тылъ Французовъ, подорвалъ у нихъ 46 палубъ, наполненныхъ гранатами и картечными снарядами. Ад Ч.

давъ ночи и полагая, что въ темнотѣ безопаснѣе могу пройти, ибо непріятельскіе отряды были уже впереди меня, я разложилъ нарочито большіе огни, пошелъ и на пути встрѣлся съ двумя небольшими командами французской кавалеріи, которыя, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ и не сдѣлавъ намъ вреда, бѣжали. Потомъ наѣхалъ я на передовые пикеты наши, казачьяго Селиванова полку, отъ которыхъ и узналъ прямую мою дорогу. Прибывъ къ тому отряду, я видѣлся съ начальникомъ онаго, генераломъ, — фамиліи его не упомяну, — гдѣ пробылъ немного. Хотя онъ и просилъ у меня два полка въ подрѣзленіе себѣ, но я, не видя въ томъ точной надобности, не далъ, предлагая ему, что ежели онъ знаетъ важнѣйшія обстоятельства этой надобности, болѣе важныя нежели какъ я вижу, то чтобы мнѣ объяснилъ, съ тѣмъ, что буде онъ важны, то я останусь при томъ отрядѣ со всѣми четырьмя полками. Онъ на то не согласился, какъ полагать надобно не желая быть подъ ордеромъ моимъ, какъ старшаго. Тогда, раскланявшись съ нимъ, я потянулся далѣе къ арміи и, пройдя версты двѣ, для растаха остановился.

«На другой день, при восхожденіи солнца, были слышны ружейные выстрѣлы на передовыхъ постахъ того корпуса, почему и полагалъ я, что непріятель идетъ за нами. Для лучшаго уясненія послалъ офицера узнать вѣрнѣе о томъ и, не удаляясь отъ такъ важнаго случая, какъ полагалъ, что вѣрно произойдетъ сраженіе и, найдя лучший для лошадей кормъ, передвинулся для подрѣзленія лошадей. Здѣсь я ожидалъ — что вышесказанный авангардъ предприметь, генералъ котораго, соображаясь по обстоятельствамъ и видя конечно весьма сильнѣйшаго предъ собою непріятеля; положилъ отступить къ нашей арміи, почему и отправилъ напередъ къ оной свою артилерію. Я послалъ также узнать о мѣстѣ нахождения атамана Платова и всей нашей арміи, а на ведущей къ авангарду отъ арміи большой дорогѣ поставилъ противу полковъ пикетъ, съ тѣмъ, чтобы извѣстилъ меня ежели будетъ ѣхать по оной изъ арміи кто изъ генераловъ».

«Ружейная пальба усиливалась; около половины дня пикетъ, поставленной на дорогѣ, извѣстилъ меня — что нѣсколько генераловъ ѣдутъ впередъ, къ которымъ я и поспѣшилъ и нашелъ оныхъ остановившихся и всѣхъ мнѣ незнакомыхъ, разсуждающихъ о будущемъ сраженіи. Какъ на мнѣ была простая куртка,

которая прикрывала всѣ знаки отличія, имѣющіеся у меня, то они меня сочли не болѣе какъ какого-либо казачьяго офицера. Какъ я, слыша ихъ сужденіе, объяснилъ имъ и мое заключеніе, то при семъ случаѣ они спрашивали другъ у друга на французскомъ языкѣ: кто я таковъ? Слыша то, я имъ объявилъ о себѣ и просилъ мнѣ показать того генерала, которой командуетъ передовымъ корпусомъ; они мнѣ сказали, что командуетъ генералъ Львовъ, которой сзади ѣдетъ и скоро сюда долженъ быть. Почему я и поѣхалъ искать онаго, съ которымъ скоро встрѣлся и нашелъ въ немъ давно мнѣ знакомаго, а какъ онъ былъ старшій, то я ему объяснилъ — по какому случаю я тутъ нахожусь, и что ежели могу я быть полезенъ въ начинающемся сраженіи, то чтобы указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ я долженъ находиться. Львовъ, благодаря меня за сіе, приказалъ, чтобы я находился съ полками своими на самомъ краю съ праваго фланга. Получивъ сіе повелѣніе, я поѣхалъ къ своимъ полкамъ, приказалъ онымъ изготovitъся и при семъ разѣ увидѣлъ уже во многихъ мѣстахъ скачущихъ казаковъ, тѣснимыхъ непріятелемъ, и поспѣшно отступающій нашъ авангардъ».

«Я также съ полками моими отступилъ и сталъ на одной выгодной для конницы равнинѣ, въ ордеръ-баталіи. Непріятель наступалъ скорымъ маршемъ и сильная кавалерія шла прямо ко мнѣ. Въ ту-жъ минуту, вправо отъ меня, я увидѣлъ во множествѣ скачущихъ казаковъ: угадывая, что то казачьи полки, находящіеся на аванпостахъ, я послалъ къ начальникамъ оныхъ офицера, съ приказаніемъ, что бы всѣ они явились подъ мою команду. Всѣхъ таковыхъ нашлось до пяти, хотя весьма неполныхъ, полковъ, изъ которыхъ составя въ видѣ сигурса отдѣльную линію и не теряя времени, я атаковалъ непріятельскую кавалерію, которая ко мнѣ уже сближалась: всю кавалерію сію опрокинувъ, гналъ ее до находящагося, въ тылу ихъ, возвышеннаго мѣста (какъ бы небольшой горки), которое было все покрыто лѣсомъ. Тутъ я узналъ, что на семъ возвышеніи, въ лѣсу, оставленъ былъ нашъ пѣхотной егерскій полкъ, подъ командою полковника Змѣева, которому я и послалъ сказать, чтобы онъ, какъ уже отрѣзанъ отъ російской арміи, спѣшилъ бы лѣсомъ удалиться во флангъ и поскорѣе бы присоединился къ арміи. Казаки же, по сильному французской артилеріи дѣйствию, не могли держаться, да и свѣ-

жая ихъ конница, подоспѣвъ на помощь къ гонимой нами и опрокинувъ мои полки, въ свою очередь оныя гнала. Проскакавъ нѣсколько, и не болѣе версты, я успѣлъ остановить свои полки. Полковникъ Ефремовъ, по отличной его храбрости, съ своимъ полкомъ гналъ непріятели далѣе всѣхъ другихъ и даже проскакалъ сказанное возвышенное мѣсто, такъ, что принужденъ былъ, принявши въ бокъ, уже чрезъ лѣсъ возвратиться ко мнѣ. Когда я собралъ всѣхъ своихъ казаковъ и привелъ ихъ въ должной порядокъ, вижу, что соединившіеся и умножившіеся Французы сближаются ко мнѣ; тогда я атаковалъ оныхъ въ другой разъ и, опять опрокинувъ, гналъ до прежняго пункта. При семъ случаѣ мы отбили двѣ пушки».

«По вышесказаннымъ сильнымъ дѣйствіямъ французской артилеріи, мы не могли далѣе преслѣдовать непріятельскую кавалерію, не могли даже увезти и отбитыхъ пушекъ, и остались на мѣстѣ, а потомъ насъ гнали какъ и прежде. Въ семъ случаѣ, со всею должною признательностію и откровенностію долженъ сказать, что полковые командиры, офицеры и рядовые казаки оказали отличную храбрость, а Ефремовъ успѣлъ тожъ сдѣлать, какъ и прежде, за что благодаря его, я однако счелъ нужнымъ приказать, что бы онъ старался, подавая примѣръ храбрости, равняться съ другими полками. Отретировавшись къ поставленному мною на всякій случай подкрѣпленію, я еще три раза атаковалъ ту же кавалерію, которая, хотя въ пять разъ была противу полковъ, подъ моею командою состоящихъ, сильнѣе, но всегда, по храбрости казачьей, была опрокинута. Мѣсто, на которомъ полки, подъ моею командою бывшіе, дѣйствовали, отдѣлено болотистымъ и заросшимъ лѣсомъ, и какъ я оставался безъ всякаго другого подкрѣпленія, а непріятель всегда усиливалъ свои войска, то принужденъ я былъ податься назадъ, и, перейдя одинъ весьма малой, но нѣсколько болотистой, ручей, близъ онаго на возвышеніи сталъ, въ прежнемъ порядкѣ. Послалъ еще дознять—гдѣ егерскій полкъ, бывшій, какъ сказано выше, въ лѣсу и велѣлъ сказать начальнику онаго, чтобъ непременно ретировался лѣсомъ, ежели еще тамъ находится. Французская кавалерія оставалась въ своей позиціи. При семъ случаѣ, хотя я не могъ видѣть дѣйствія всей нашей арміи, за высокимъ лѣсомъ, въ самой близкой дистанціи отъ меня находящейся, но

по кликамъ и звукамъ пушечной пальбы понималъ, что происходитъ сраженіе весьма упорное, а потому отрядилъ къ оной три казачьи полка, съ тѣмъ, что бы они явились къ первому встрѣтившемуся съ ними генералу и дѣйствовали бы по приказаніямъ старшихъ. Самъ я остался и замѣчалъ за дѣйствіемъ находящейся противъ меня кавалеріи. Вдругъ, къ крайнему моему удивленію и даже недоразумѣнію, вижу, что двѣ части кавалеріи, не болѣе какъ 2 эскадрона, отдѣльно одинъ отъ другого, съ большою смѣлостію подошли къ сказанному маленькому ручью, который былъ отъ насъ на вѣрной ружейной выстрѣль. Я былъ весьма въ недоумѣніи, что оныя предпринимаютъ, какъ услышалъ, что казаки, указывая на оныхъ, довольно громко повторяли: «латники! латники!» Взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ, что это кирасиры, покрытые желѣзомъ. Тутъ я понялъ, что они предпринимаютъ дерзкое намѣреніе врѣзаться въ казачьи полки и разстроить оныя. Не теряя времени я приказалъ Ефремову—съ его и съ другимъ полкомъ, когда кирасиры перейдутъ ручей, отрѣзать ихъ отъ онаго, а другимъ двумъ полкамъ приказалъ ударить въ лицо. Со всею моею поспѣшностію не могъ я еще успѣть мое распоряженіе привести въ порядокъ, какъ тѣ кирасирскіе эскадроны, перейдя ручей, въ разсыпную стремительно пустились на насъ и въ минуту врѣзались въ казачьи полки, но ни опрокинуть, ни разстроить оныхъ не успѣли, хотя и сдѣлали большое замѣшательство. Казаки съ отмынною храбростію били ихъ въ дротики, но дротики, одни ломались, а другіе гнулись. Я скакалъ всюду гдѣ надобность показывала быть моему присутствію, и подвергалъ себя большой опасности, что ежели бы не доброй слуга,—собственной мой человекъ Василій Яковлевъ,—то я бы неминуемо былъ палашами заколонъ или изрубленъ. Казаки, видя крѣпость кирасирскаго одѣянія, сбивали съ головъ ихъ дротиками шишаки, а послѣ того, били въ открытые головы и сбивали съ лошадей. Кирасиры, видя свою неудачу, опрометью скакали назадъ, а казаки, преслѣдуя по возможности, оныхъ убивали. Изъ сихъ непобѣдимыхъ всадниковъ менѣе третьей части ушли, а всѣ прочіе пали на мѣстѣ».¹⁾

¹⁾ «Генералъ-маіоръ Денисовъ, 29-го мая 1807 г., въ соединеніи съ регулярною кавалеріею, не разъ встрѣчался съ французскими кирасирами и всегда находилъ средство узавить ихъ. Какъ скоро сіи тяжелые всадники по какому-

«Французы, несмотря на то, что были гонимы нами, и что столько потеряли своихъ, увидя, что остатокъ егерскаго полка нашего бѣжить въ безпорядкѣ изъ лѣса, прежде мною сказаннаго, напали на егерей и нѣсколько успѣли поразить, а послѣ сего и вся кавалерія, бывшая противъ меня, въ стройномъ порядкѣ придвигалась ближе и ближе; лѣсъ-же, отдѣляющій меня отъ арміи, занимала пѣхота. Когда я подался назадъ и, обойдя оной лѣсъ, двинулся къ арміи, и когда къ фронту оной сблизался, прискакалъ одинъ или два (не упомню), прусской кавалеріи полка (помнится драгунскіе), подъ командою одного генерала, — котораго фамилію запомнилъ, но онъ былъ хорошаго росту, рябоватъ, продолговатаго лица, носъ большой имѣлъ, и на ономъ старой, какъ бы отъ раны, шрамъ, — съ которымъ я увидѣлся, и какъ его превосходительство говорилъ по-французски, то мы и условились атаковать вмѣстѣ стоящую предъ нами кавалерію — что въ минуту и произвели».

«Храбрость прусскихъ полковъ и нашихъ казаковъ взяла поверхность надъ многочисленною непріятельскою кавалеріею, которую въ минуту мы опрокинули, смѣшали и погнали въ безпорядкѣ, но не долго, потому что пѣхота, зашедшая въ лѣсъ, къ которому казаки справа уже примыкали, производила сильную стрѣльбу, чѣмъ и остановила насъ. Отретировавшись на прежнее мѣсто, въ порядкѣ, мы остановились; тогда еще я видѣлся съ генераломъ прусскимъ, рассказалъ ему мое мнѣніе, что ежели бы не французская пѣхота удержала казаковъ, то непріятель былъ бы пораженъ гораздо сильнѣе, и предлагалъ ему занять мѣсто ближе къ лѣсу, а я бы сталъ съ казаками на его мѣсто, и тогда мы въ другой разъ бы атаковали, представляя ему, что регулярные могутъ лучше выдержать огонь, производимый непріателемъ, но онъ на сіе не согласился. Однако совѣтовалъ мнѣ учинить общую, подобную первой, атаку — что хотя и было сдѣлано, но весьма уже слабо, и только нѣсколько, самые передовые французскіе посты, были опрокинуты. Мы ретировались опять къ прежнему пункту, а Французы отступили назадъ; прусскіе

нибудь случаю приходили въ разстройство, они тотчасъ дѣлались жертвою казаковъ. Сіи неповоротливые кавалеристы, слабо державшіеся въ сѣдлѣ, отъ удара пива, какъ бездушные труны, валились на землю». («Истор. Донскаго войска» — г. Броневскаго, часть II, стр. 175).

Ад. Ч.

полки также двинулись ближе къ центру арміи. Я съ полками оставался на своемъ мѣстѣ, но весьма немного, потому что французская артилерія катала насъ ядрами и брандскугелями, градомъ, отчего я приказалъ казакамъ разсыпаться и отступать. Будучи въ этомъ положеніи, когда уже совершенно настигла ночь, увидѣлъ я прибывшаго къ намъ войскового атамана Платова, въ какомъ положеніи мы и еще отступили и когда уже не слышно было никакого бою, то и остановились».

«Простоявъ въ семъ положеніи ночь, на разсвѣтѣ дня мы увидѣли, что французская армія немного далѣе пушечнаго выстрѣла отъ насъ находится».

«Скоро, до восхожденіи солнца, войсковою атаманъ Платовъ приказалъ мнѣ съ 3-мя казачьими полками идтить къ лѣвому непріятельскому флангу и недалеко отъ онаго назначить пунктъ гдѣ остановиться. При семъ разѣ я осмѣлился его превосходительству доложить:

— «Развѣ приказано начать сраженіе?»

— Нѣтъ; но этотъ пунктъ надобно занять.

— «Французы никакъ того не потерпятъ и, по приходѣ моемъ, конечно, въ минуту меня атакуютъ», — доложилъ я съ почтеніемъ.

«Атаманъ ничего на это не сказалъ; тогда сѣвъ на лошадь, двинулся я съ полками. Французы, увидя насъ, приближавшихся и остановившихся, двинули противъ насъ большой отрядъ, болѣе изъ пѣхоты составленной. Видя превосходство непріятеля, я началъ шагомъ отступать, а они меня преслѣдовали. Въ такомъ положеніи я дошелъ до одного ручья, которой не всюду можно свободно переѣхать; отъ ручья сего находился и самъ атаманъ Платовъ не въ дальнемъ разстояніи. Тутъ получилъ я отъ него приказаніе — не переходя оный ручей съ полками, держаться, и хотя разумѣлъ я, что отважность его превосходительства чрезчуръ велика, но, исполняя въ точности повелѣніе моего начальника, съ полками остановился и, призвавъ полковыхъ командировъ, объявилъ имъ оное повелѣніе. При томъ рѣшилъ ихъ тѣмъ, что какъ не имѣемъ мы артилеріи, а у непріятеля насчитывали оной до 10-ти или болѣе пушекъ, то я за лучшее считаю самимъ намъ атаковать Французовъ, что и они, хотя видѣли невозможнымъ побѣдить непріятеля, за лучшее почли».

«Непріятель, подходя къ ручью, отрядилъ до 1,000 человекъ

пѣхоты въ лѣсъ, которымъ она могла зайти мнѣ во флангъ, а половина того числа пѣхоты оставалась на открытомъ полѣ, съ артилерією, и до 200 или 300 кавалеріи. Не зная—что въ такомъ положеніи дѣлать и вида, что ежели мнѣ всѣми полками ударить на непріятеля, стоявшаго на открытомъ полѣ, то бывшая въ лѣсу пѣхота нанесетъ казакамъ большой вредъ, а самъ непріятель едва-ли что можетъ потерпѣть, приказалъ я храброму полковнику Ефремову съ полкомъ его ударить на непріятеля, на полѣ стоявшаго, а полковнику Астахову—стать съ своимъ полкомъ лавою, противъ лѣса. Съ третьимъ полкомъ остался я самъ, въ резервѣ, дабы, въ случаѣ гдѣ нужда потребуеть, дать помощь. Сіи два полка двинулись по назначенію. Непріятельская кавалерія, вѣроятно разумѣя намѣреніе наше и пренебрегая нашимъ малолюдствомъ, фронтомъ двинулась впередъ, чѣмъ Ефремовъ воспользовавшись, атаковалъ ее, смялъ, опрокинулъ и гналъ за пѣхоту. Казаки Ефремова такъ увлеклись храбростью, что принуждены были разными дорожками и поодиначкѣ возвращаться къ своему мѣсту, обскакивая пѣхоту непріятельскую. Въ тожь самое время, находящаяся въ лѣсу противъ Астахова полка непріятельская пѣхота, фронтомъ выходила изъ лѣсу и, какъ только выдвинулась на чистое поле, то полковникъ Астаховъ пустился съ полкомъ въ атаку на оную, а Французы, не дожидаясь ихъ удара, вбѣжали въ лѣсъ. Видя все сіе, не постигалъ я—какимъ образомъ остаюсь побѣдителемъ, разумѣя, что при всѣхъ моихъ распоряженіяхъ нельзя было ожидать и малѣйшей надъ непріателемъ поверхности. Ясно видѣлъ я, что сіе произошло отъ единой благодати Всевышняго Творца къ намъ, милосердіе котораго и во всю жизнь мою, при важныхъ случаяхъ, управляло мною; за что, слезни съ коня и упавъ на колѣни, припросилъ предъ Всевышнимъ Творцомъ мою благодарность и молилъ его вести меня къ дальнѣйшимъ добрымъ дѣяніямъ».

«Г. войсковою атаманъ все сіе лично видѣлъ и, въ самое критическое дѣйствіе моихъ полковъ, велѣлъ нѣсколькимъ другимъ казачьимъ полкамъ скакать къ мѣсту сраженія влѣво отъ меня, какъ бы во флангъ непріятелю, а зятя своего, Харитонову,¹⁾

¹⁾ Полковникъ (впослѣдствіи генералъ-маіоръ), Константинъ Ивановичъ Харитоновъ, былъ женатъ на старшей дочери атамана Платова, Аннѣ Матвѣевнѣ.

прислалъ меня словесно благодарить. Послѣ сего непріятель въ порядкѣ отступилъ, а мнѣ велѣно было—оставаться на томъ же мѣстѣ до дальнѣйшаго повелѣнія».

«Скоро пополупочи узналъ я, что армія наша чрезъ Гейльсбергъ отступая. Тогда я послалъ спросить у атамана—что мнѣ должно дѣлать, но, конечно, за темнотою ночи посланные отъ меня не нашли его. Какъ уже заря занялась, аванпосты мои донесли, что непріятельская армія двинулась впередъ и посланные увѣдомили, что чрезъ Гейльсбергъ, по мосту, никакъ невозможно отъ тѣслоты пройти, а посланные осмотрѣть рѣку Алле—нѣтъ-ли гдѣ по ней бродовъ,—дали знать, что одинъ, хотя и весьма неудобной, найденъ, къ которому я и потянулся, уже когда разсвѣлось. Перейдя рѣку, я принужденъ былъ дать на одинъ часъ растахъ полкамъ, потому что, прошедши трое сутокъ, были лошади голодны, почти ничего не ѣвши. Я послалъ отыскивать, гдѣ слѣдуетъ, нашу армію и моего начальника и, по возвращеніи посланныхъ, поспѣшили соединиться съ атаманомъ Платовымъ. За всѣ сіи дѣйствія мои при Гейльсбергѣ получилъ я золотую саблю, алмазами украшенную, съ надписью: «за храбрость».¹⁾

«Бывъ при своемъ начальникѣ, я много успокоился и, хотя весь день находились мы на маршѣ, но никакой встрѣчи, насъ затрудняющей, мы не видѣли. На другой день мы также спокойно слѣдовали за армією; какъ вдругъ услышали впереди насъ сильную пушечную стрѣльбу при Фридландѣ, куда атаманъ Платовъ со всѣмъ своимъ корпусомъ поспѣшилъ скорымъ маршемъ, и куда прибывъ, мы увидѣли, что вся наша армія сильно сражается. Генералъ Платовъ пошелъ впередъ. Минувъ нашу армію, въ самой близкой отъ ней дистанціи и на виду оной, увидѣли мы, что небольшія разныя французскія команды какъ бы стремятся зайти намъ впередъ, противъ которыхъ тотчасъ и были посланы казаки, и хотя оныя остановили Французовъ, но не могли ихъ опрокинуть, потому, что за рѣкою нельзя было посланныхъ казаковъ усилить большимъ отрядомъ».

«Армія наша по долгомъ сраженіи отступила по той же до-

¹⁾ Дѣла при Земерфельдѣ, Аренсдорфѣ и Гейльсбергѣ 28-го и 29-го мая 1807 г. Денисовъ въ запискахъ своихъ называетъ послѣдній городъ Гейльсбергъ, Эльсбергъ и Эсбельгъомъ.

рогѣ, по которой мы шли, и дойдя до одного мѣстечка, которое я запомнилъ (т. е. котораго забылъ названіе), и взявъ небольшой роздыхъ, рано на зарѣ отступила далѣе по дорогѣ къ Тильзиту. Тутъ г. Платовъ съ корпусомъ своимъ остался въ арьергардѣ и хотя отступалъ повсюду, гдѣ нужно было самъ успѣвалъ быть и храбро отражалъ непріятеля, которой за ними стремился».

«При семъ случаѣ разсматривая движенія непріятеля, я искалъ возможность нанести непріятелю вредъ, для чего приказалъ полковнику Ефремову осмотрѣть замѣченное мною мѣсто; куда онъ съ двумя казаками и поспекалъ. И примѣтивъ одного французскаго всадника, нѣсколько отдалившагося отъ своего фронта и стоящаго въ задумчивости, стремительно ринулся на него одинъ и, подскакавъ, схватилъ за поводъ лошадь того всадника и требовалъ пардону, а тотъ, конечно, испугавшись нечаянному налету, молча поѣхалъ за Ефремовымъ. Это былъ французской майоръ, который мнѣ признался, что онъ не понимаетъ—какимъ образомъ въ плѣну, потому, что онъ былъ среди своего баталіона, которымъ командуетъ».

«Черезъ весь тотъ день всѣ казачьи полки имѣли небольшія сшибки съ непріателемъ, но принуждены были отступать; на другой и третій день мы имѣли такую же участь какъ равно 3-го іюня 1807 г. при Эйлау, 4-го іюня при рѣкѣ Прегель и до самаго Тильзита. Такое положеніе, какъ для насъ, такъ и для лошадей нашихъ, (было) весьма утомительно; но со всѣмъ тѣмъ всѣ вообще казачьи полки исполняли свою обязанность въ такой точности, что непріятель не осмѣливался ихъ сильно атаковать и отражалъ насъ артилеріею».

«Господинъ войсковой атаманъ (Платовъ) можно почти сказать не сходилъ съ лошади и гдѣ нужда требовала всегда безъ унуцненія времени тамъ являлся. При семъ должностью почитаю, отдавая всю справедливость казакамъ (сказать), что въ одинъ день, когда непріятель сильнымъ наступленіемъ принудилъ нѣкоторые полки отступать рысью, сильной отрядъ съ артилеріею поспекалъ прямо на мою бригаду. Видя это и опасаясь, чтобъ непріятель не обратилъ казаковъ въ бѣгство, чѣмъ бы могъ сдѣлать замѣшательство и всему нашему корпусу, я приказалъ Астахову полку двинуться пѣше въ находящійся тутъ рѣдкій лѣсъ,

дабы таковою диверсіею остановить непріятеля. Непріятель, видя то, остановилъ пушки и началъ изъ оныхъ по этому полку палить и первыми выстрѣлами было убито въ немъ вдругъ до десяти лошадей или болѣе—не упомяну; но оный полкъ, не оказавъ ни малѣйшей трусости и не сдѣлавъ замѣшательства, въ молчаніи оставался на мѣстѣ и тѣмъ непріятель былъ остановленъ. Тогда я, отступя нѣсколько далѣе, приказалъ слѣдовать ко мнѣ оному полку».

«Весь корпусъ генерала Платова подошелъ къ городу Тильзиту тогда уже, когда вся російская армія чрезъ рѣку Нѣманъ, тутъ протекающую, по мосту перешла, что и нашъ корпусъ, не останавливаясь, сдѣлалъ и мостъ прекрасно, на нарочито сдѣланныхъ для того судахъ (устроенный), былъ зажженъ. Перейдя рѣку, на правомъ берегу, близъ оной господинъ Платовъ расположилъ свой корпусъ».

«Въ тотъ же день явились французскіе парламентаріи и (скоро) заключенъ былъ миръ».¹⁾

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ.

¹⁾ За отличія въ этой войнѣ А. К. Денисовъ награжденъ отъ короля прусскаго орденами—Краснаго Орла и рош le mérite.